
Публичная библиотека:

люди, книги, жизнь

Сборник статей

Ц. И. Грин, А. М. Третьяк

Б. В. Никольский (1870—1919). Судьба ученого, книжника на изломе истории

*Разлад отдельных идеалов составляет
нередко тяжелую нравственную задачу
для их собственных носителей.*

Б. В. Никольский

Имя Бориса Владимировича Никольского после долгого забвения в последние годы часто появляется в различных исторических статьях и публикациях, главным образом, в связи с его политическими убеждениями и поступками.¹ Непримиимый монархист, впрочем, не простивший Николаю II Распутина, один из лидеров черносотенного «Русского собрания», активный член «Союза русского народа», демонстративно после оправдания М. Бейлиса в 1913 г. устроивший обед в честь прокурора, поддерживавшего обвинение на процессе, Никольский был заметной фигурой в стане тех, кто пытался в 1900-е гг. переломить ход событий в России, вернуть их в прежнее русло.² Новейшие исторические разыскания лишь подтверждают устоявшуюся его репутацию как человека крайне правых взглядов, воинствующего националиста.

Вместе с тем Никольский был человеком многосторонне одаренным. Полемист, владеющий ораторским даром; публицист, чьи выступления в печати не оставляли равнодушной публику; блестящий университетский преподаватель, знаток русского и римского права, переводчик Катулла на

¹ Привыкший с юношеских лет к регулярному ведению дневника, Б. В. Никольский, оказавшись в 1900-е гг. в гуще политических и общественных событий, оставил ценные сведения о действующих политических силах, о настроениях Николая II и его окружения, о расколе среди интеллигенции. Извлечения из дневника, относящиеся к 1905, 1907 и 1912 гг., которые были опубликованы в журнале «Красный архив» (1934, № 2 (63); 1935, № 1 (68)), цитируются в трудах современных историков в связи с характеристикой действий правого крыла русского общества. Дневник Б. В. Никольского, последние записи в котором сделаны осенью 1918 г., заслуживает полной публикации. При характерном для наших дней интересе к воссозданию многоцветной палитры России начала XX в. свидетельства человека, хотя и пристрастного, но умного и наблюдательного, не могут быть пропущены, тем более, что многие подневные записи содержат авторский комментарий, сопровождаются выдержками из современной печати, отсылками к документам, копиями отправляемых им писем.

русский язык; пушкинист, поклонник таланта А. И. Фета, собиратель его рукописей, критик и историк литературы; первый редактор стихов А. А. Блока; поэт, искавший утешение в поэзии даже в трагические для России дни. Все это дает Никольскому право войти не только в политическую историю России, но и в историю ее науки и культуры.

Особенно велики заслуги Никольского-книжника, собирателя и хранителя одного из ценнейших в России частных книжных собраний. В этом смысле Никольский был продолжателем традиций XIX столетия — времени, когда формировались наиболее крупные личные библиотеки.³

«Какое сокровище моя библиотека!» — писал Никольский в июле 1917 г.⁴ Подобно Н. Н. Страхову, которого Никольский почитал, он мог сказать, что книги «значили очень много в его жизни»⁵. Он не был, как Страхов, «мирским монахом», но и для него поиск книг, их приобретение были страстью, спортом, охотой. Испытав еще в юношеские годы власть книг, он навсегда остался, по его выражению, «неизлечимым библиофилом»⁶. И это была не просто красивая фраза, а смысл его жизни. Пожалуй, Никольский и сам осознал эту истину, когда понял, что политическая и государственная карьера не задалась, начали рушиться устои прежней жизни, рваться давние научные, литературные и дружеские связи.

Имя крупнейшего русского библиофила XX столетия, образованнейшего книжника отсутствует в трудах по истории библиофильства в России, что, видимо, было вызвано конъюнктурными соображениями и давлением цензуры. Так, трудно предположить, что Никольский-книжник не был известен П. Н. Беркову, знатоку русского библиофильства⁷. Восстановление исторической справедливости — это углубление наших представлений о книжной культуре начала XX в.⁸

Борис Владимирович Никольский родился 3 (15) октября 1870 г. в Петербурге. Дед его был священником. Отец, Владимир Васильевич Никольский (1834—1883), также окончил духовную семинарию, а затем Духовную академию, но карьере священнослужителя и богослова предпочел изучение и преподавание русской словесности. Он был профессором Петербургской духовной академии, читал лекции в Александровском лицее, на женских педагогических курсах.⁹

Борис Никольский учился в классической гимназии при Историко-филологическом институте, затем в Училище правоведения и уже тогда выделялся среди своих сверстников. Как вспоминал его однокашник по учили-

⁸ Авторы статьи благодарны главному специалисту РГИА Гите Моисеевне Липсон за помощь в разыскании материалов, относящихся к биографии Б. В. Никольского и к истории его библиотеки.

щу правоведения А. В. Самойлович, Никольский «в 16 лет поража[л] своей начитанностью в области философии и словесности, <...> превосходно знал иностранные языки — немецкий и французский, понимал итальянский и, классик по духу, так хорошо изучил латинский и греческий, что <...> совершенно свободно говорил и писал по латыни, вероятно, лучше самих наших преподавателей <...> Памятью Б[орис] В[ладимирович] обладал поразительную <...> Говорил он плавно, образно и красиво, увлекаясь сам и увлекая других»⁸.

В 1893 г. Никольский окончил юридический факультет Петербургского университета и был определен в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, где занимался историей страхового дела в России, а после отставки — числился при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. К этому времени относится начало регулярных «литературных вторников» у Никольского, где обсуждались книжные и литературные новости, шли диспуты, читались стихи. Неизменными посетителями вечеринок Никольского «с самоваром и московскими калачами» были его закадычные друзья: студент Г. В. Чичерин, будущий народный комиссар иностранных дел, барон А. Ф. Мейендорф, впоследствии секретарь и товарищ председателя Государственной Думы, знаток и историк драматического театра Н. В. Дризен. Позднее, в 1900-е гг., у Никольского бывали А. А. Блок, С. В. Штейн и другие поэты — студенты университета. Уже тогда горы не помещавшихся в переполненных шкафах и на стеллах полках книг поражали гостей Никольского своим богатством и разнообразием⁹. Самойлович рассказывал: «На улицах Петербурга можно было видеть Никольского всегда с книгами и портфелем под мышкой», спешившего «из Публичной библиотеки куда-нибудь к другу-литератору, от него в университет, оттуда в какую-нибудь редакцию»⁹.

После защиты диссертации на степень магистра (1899 г.) Никольский начал чтение лекций по русскому семейному и наследственному праву, по истории римского права в Петербургском университете, Александровской Военно-юридической академии и Училище правоведения. В качестве приват-доцента историко-филологического факультета он в начале 1900-х гг. также читал спецкурсы: «Политические идеалы в лирике Пушкина», «Поэзия Фета», «Основания лирической техники» и др. Наряду с этим Никольский сотрудничал в газете «Новое время» журнале «Исторический вест-

⁸ Как и в квартире Н. Н. Страхова, мебель у Никольского допускалась «лишь как прибор для помещения книг». (Никольский Б. В. Н. Н. Страхов. СПб., 1896. С. 7.)

ник». В 1901 г. в издательстве А. Ф. Маркса вышло первое полное собрание стихотворений А. И. Фета под его редакцией.

Революционизирование русского общества в начале 1900-х гг. приводит Никольского в большую политику, причем, не чуждый в молодости свободомыслия, он резко и, в известной мере, неожиданно для друзей поправел. Неудача России в русско-японской войне, начало революции 1905 года усиливают его реакционные настроения. Никольский занимает наиболее непримиримые и радикальные позиции как в «Русском собрании», так и в «Союзе русского народа». Решив, по его собственным словам, что события его позвали и настало время выдвинуться, Никольский строит честолюбивые планы превращения приват-доцента и присяжного поверенного, «не знающего, чем заплатить за квартиру», во влиятельного царедворца, будущего министра¹⁰. В декабре 1905 г. он публично произнес «Всеподаннейшую речь» в честь Николая II, неоднократно позднее издававшуюся в виде брошюр (один экземпляр ее с автографом Никольский подарил русскому фонду Публичной библиотеки). Политическая позиция Никольского отшатнула от него студенчество и часть профессуры. Он был вынужден в 1905 г. покинуть университет.

Несмотря на усилия Никольского сделать государственную и придворную карьеру, цели ему не удалось достичь. Вероятно, помешала чрезмерная амбициозность его поведения, неуживчивость характера, крайний радикализм взглядов, неразборчивость в выборе средств. Никольский возвратился к научной и педагогической деятельности. В 1910 г. он назначается профессором римского права в Училище правоведения и приглашен руководить занятиями сыновей великого князя Константина Константиновича — Гавриила и Олега. Поэт Б. А. Садовской нарисовал выразительный портрет Никольского в эти годы — «Представительный, плотный, лысый, с монгольского склада лицом и длинными седеющими усами, он держался ровно. Но под наружной выдержкой кипел горячий характер. Смеялся Никольский громко, говорил много. Холодные глаза его всегда оставались неподвижными, точно незаведенные часы.» Его огромная квартира на Офицерской улице «была запружена книгами <...> Из магазинов прибывали ежедневно кипы новейших изданий. Библиотека занимала две огромные комнаты и кабинет; книги теснились в гостиной, в передней и в задних покоях»¹¹.

Преподавание римского права Никольский продолжал совмещать с занятиями историей русской словесности. Унаследовав от отца культ Пушкина, изучал жизнь и творчество поэта, касаясь ключевых проблем — поэт и общество, поэт и читатель, а также трагических обстоятельств гибели поэ-

та. Он — автор исследований «Поэт и читатель в лирике Пушкина» (1899), «Последняя дуэль Пушкина» (1901), целого ряда статей*.

Отношения Никольского со столичным университетом по-прежнему не налаживаются. (В 1915 г. университет отклонил его докторскую диссертацию.) Более удачными оказались связи с Юрьевским университетом, где он в 1913—1917 гг. числился ординарным профессором, читал лекции и вел спецкурс по римскому праву и классической филологии. Он ездил из Петрограда в Юрьев до февраля 1918 г., когда Юрьев был отрезан фронтом. После эвакуации Юрьевского университета в Воронеж Никольский осенью 1918 г. намеревался переселиться туда.

Главное, чем были заняты его мысли в 1917—1918 гг. — это судьба библиотеки. К началу 1917 г. она размещалась на двух квартирах — на Офицерской улице, где жил Никольский с семьей и где находилась основная часть библиотеки (около 30 тыс. томов), а также на Средней Подъяческой, в специально снятой квартире (до 20 тыс. томов, включая собрание книг и рукописей, ранее принадлежавших издателю «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому, тестю Никольского).

Переговоры о продаже библиотеки Никольский начал летом 1917 г., вступив в контакты с Книжной палатой и Министерством народного просвещения Временного правительства. В дневнике Никольского нашли отражение все многотрудные обстоятельства этих переговоров. В решении ее судьбы принимали участие С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, ее оценку произвели профессор А. И. Малеин, М. Я. Пергамент, Е. В. Петухов, А. П. Кадлубовский. Никольский первоначально рассчитывал на приобретение библиотеки для Саратовского университета. Речь шла также о возможной передаче книг в университеты Перми, Тифлиса, Иркутска, Ташкента. Но эти предложения шли вразрез с желанием Никольского сохранить в любом случае целостность библиотеки и не потерять возможности самому ею пользоваться. При разноплановости поступающих к нему предложений, в том числе и от частных лиц, Никольский предпочитал переход библиотеки в собственность одного из новых провинциальных университетов, считывая на место хранителя библиотеки и одновременно — преподавате-

* Сбором и изучением материалов о Пушкине, так же, как и переводами сочинений Катулла, Никольский занимался и в полугодном революционном Петрограде. Незадолго до ареста он сообщил Б. А. Садовскому: «В свободные минуты все пишу новые заметки о Пушкине — довел их число до 132, а число печатных листов академических превысило 25». Рассказывая Садовскому о недавней находке новых пушкинских рукописей, он расценивает этот факт «поважнее пяти октябрьских революций, даже оказавшихся в ноябре». (См.: Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому... С. 370, 371.)

ля, заведующего кафедрой. Такое решение, указывал Никольский, даст ему возможность продолжать научные занятия. Переговоры шли летом—осенью 1917 г. с различной интенсивностью. В дневнике Никольского появилась в этой связи запись от 11 сентября: «Вопрос о библиотеке внезапно вновь ожил, хотя не знаю, чем кончится: когда министры меняются каждый день, какие возможны соглашения с так называемым правительством?»¹²

Противоречивые чувства одолевали Никольского. Заботы о сохранении библиотеки, необходимость добывать средства для существования семьи и страх перед отчуждением того, что многие годы было частью (возможно самой значимой) его жизни. 9 сентября 1917 г. Никольский признается: «Я веду переговоры, но все мечтаю, чтоб они расстроились за ненадобностью для меня. Бог с ними, с деньгами: книг мне жалко! Ах, кабы меня в Юрьев скорее перевыбрали, да здесь помог Демкин*, так фигу бы я продал!»¹³

В связи с предполагаемой продажей библиотеки Никольский составил ее подробное описание¹⁴, раскрыв и своего рода биографию библиотеки, поскольку принадлежащее ему книжное собрание складывалось на протяжении столетия. Основу его составила библиотека Александра Ивановича Мишина (1816—1859), инспектора Петербургской Духовной семинарии, человека, по отзыву знавших его людей, выдающегося, отличавшегося живостью и остроумием, смелостью взглядов. Но, как инспектор, Мишин «был грозой для воспитанников, тяжелым человеком для сослуживцев и даже для ближайшего своего начальства»¹⁵. Мишин был собирателем книг, и его библиотека, формирование которой завершилось к 1858 г., по завещанию перешла к отцу Б. В. Никольского, который, можно предположить, был любимым учеником Мишина и стал его преемником в семинарии.

Владимир Васильевич Никольский оставил заметный след в истории русского просвещения. Талантливый, всесторонне образованный, владеющий даром красноречия («Послушать его лекций стекались студенты всех курсов»¹⁶), В. В. Никольский был инициатором создания в Александровском лицее «Пушкинского музея и библиотеки», а также издания каталога библиотеки («Puschkiniana». СПб., 1880), его перу принадлежат статьи о жизни и творчестве Пушкина. Сохранились рукописные каталоги библиотеки В. В. Никольского, относящиеся к 70-м и 80-м гг. XIX столетия.¹⁷ Библиотека В. В. Никольского содержала книги по русской истории и русской словесности, языкознанию, всеобщей литературе, истории церкви и бого-

* Речь, видимо, идет о Д. И. Демкине, товарище городского головы Петрограда. Переговоры об оказании ему денежной помощи Никольский вел также с Г. Г. Елисеевым, главой известного торгового дома.

словно, педагогике. Особенно примечательными были отделы «Слова о полку Игореве», фольклора, русской «Шекспирианы». В. В. Никольский собирал книги с начала 50-х гг., и его собрание насчитывало приблизительно 7 500 томов.

И библиотека Мишина, и библиотека отца, перейдя в собственность Бориса Никольского, регулярно стали им пополняться с 1886 г. Помимо книг по русской словесности, русской истории, Б. В. Никольский стал широко приобретать книги по истории Рима и римского права, римской словесности, греческой словесности (следуя приобретенной еще в юности любви к классической филологии), истории, философии, праву. «Римский раздел» содержал наиболее полное не только в России, но и в мире собрание сочинений по римскому праву, которое могло соперничать по богатству и разнообразию изданий с крупнейшими публичными собраниями Англии, Франции. Здесь были представлены капитальные работы, собрание сочинений юристов, брошюры, словари, издания памятников римского права, коллекция изданий «Юстинианова сборника», воссоздающая всю историю его публикации, начиная с первопечатных изданий, зарубежная и русская литература по римскому праву и истории его преподавания. В состав этого раздела библиотеки Никольского вошли приобретенные им справочные библиотеки немецких юристов Морица Фойгта и Августа Бехманна и часть библиотеки по специальности профессора римской словесности Петербургского университета И. В. Помяловского. Столь же полно в собрании Никольского была отражена история Рима — древнейшие сочинения и современные труды, а также издания «вещественных» памятников римской древности (хронология, предметы археологии, нумизматики и т. д.).

Лучшими после «римского отдела» в библиотеке Никольского были библиографический раздел и история науки. Библиографии, как видно из описания библиотеки Никольского, он придавал особое значение. Библиографический раздел, охватывающий как русскую, так и иностранную библиографию, состоял из богатейшей коллекции печатных каталогов библиотеки, частных книжных собраний, справочников, антикварных и книготорговых каталогов, трудов библиографов.

Борис Никольский продолжал, как уже отмечалось, дело отца и в отношении приобретения книг по русской и всеобщей словесности. У него в библиотеке была представлена поэзия русская и мировая в оригиналах и переводах, книги по истории литературы, русский фольклор, «Пушкиниана» («заключенный свод всех пособий для изучения поэта»). Вероятно, с обучением и воспитанием великих князей связано появление в библиотеке также собрания книг, посвященных воспитанию наследников престола и «вообще идеала монарха». Как он утверждал — первая попытка в своем роде.

В деле собирания книг Никольский не избегал, по его выражению, «самых погубительных крайностей этого спорта» — любви к первым изданиям, необрезанным экземплярам, роскошным переплетам, красоте и богатству бумаги, поиску абсолютно полных и безупречных экземпляров. Дефектные приобретались лишь при наличии особых обстоятельств (действия цензуры, например). Характерным являлось также его стремление к достижению полноты серийных изданий. С книгами он обращался бережно, не позволяя себе помарок, загибания страниц. Но в то же время охотно позволял посторонним лицам работать в своей библиотеке. Библиофильские пристрастия Никольского не шли вразрез с его постоянным интересом собирать книги, обладающие «внутренней научной ценностью».

К лету 1917 г., по подсчетам ее владельца, библиотека состояла из 33—35 тыс. томов, сверх того — около 10 тыс. брошюр, вырезок, оттисков, диссертаций. Особую коллекцию составляли более 20 тыс. антикварных каталогов русских и иностранных фирм.¹⁸

Переговоры Никольского с С. Ф. Ольденбургем и В. И. Вернадским о продаже библиотеки, видимо, были прерваны октябрьскими событиями 1917 г. Еще 19 октября 1917 г. Ольденбург сообщает Вернадскому, товарищу министра народного просвещения, постановление Книжной палаты о приобретении библиотек Никольского и Д. Ф. Кобеко за счет казны, подготовив соответствующее законодательное распоряжение.¹⁹ Опасаясь расхищения библиотеки, Никольский вывешивает на дверях квартиры («охранную грамоту»), налаживает контакты с новыми властями, которые помогли бы сохранить библиотеку в целостности. «Наклеил, — писал он, — подписанное и заштампованное ихним комиссаром свидетельство на входных моих дверях: „Удостоверение. Здесь помещается Консультант по гражданским делам 2го Военного Строительства. Комиссар 2го Военного Строительства П. Федчук“».²⁰

В конце октября — начале ноября 1918 г. Никольский сообщал Б. Садовскому, рассказывая о своих планах переселения в Воронеж: «Приходится здесь устраивать массу дел. Пока обеспечил свою библиотеку — по крайней мере впредь до переворота, когда бы и с чьей бы он стороны ни произошел».²¹

Настроения Никольского переменчивы, но начинает преобладать сознание неотвратимости случившегося. Доверяя Садовскому свои сокровенные мысли, Никольский признается: «На реставрацию не надеюсь, а если бы реставрация состоялась, то я не стану во главе не только Публичной библиотеки, но и чего бы то ни было».²² Несмотря на его заверение, — «с советским режимом я мирюсь откровенней, искренней и полнее, чем с каким бы то ни было другим, не говоря уже о Распутинско-Штурмеровски-Протопо-

повском»²³, — Никольский был арестован и расстрелян весной 1919 года. В Петрограде известие о смерти Никольского сопровождалось тревогой за судьбу его библиотеки.²⁴

2 июля 1919 года на заседании Центрального Комитета государственных библиотек в присутствии С. Ф. Ольденбурга, С. А. Венгерова, А. И. Маленина, представителей Публичной библиотеки В. М. Андерсона, М. Л. Лозинского, Д. В. Философова, Ин. И. Яковкина, помощника заведующего Государственным Книжным фондом М. М. Саранчина решался вопрос о сохранении библиотеки Никольского и определении возможного ее будущего. К этому времени уже были получены от Петроградского ВЧК гарантии защиты книжного имущества Никольского. Выступавшие на заседании отмечали необыкновенное богатство библиотеки Никольского, разнообразие отделов, чрезвычайную редкость многих изданий. Было решено, поскольку собрание книг профессора Никольского «представляет исключительное выдающимся явлением», принять все необходимые меры к «сохранению его в целом и сохранном виде». «Действительно надежным приютом» для этого собрания была признана Публичная библиотека²⁵.

Книги Никольского начали поступать в Публичную библиотеку сразу же после решения Центрального Комитета государственных библиотек. К разбору и описанию книг были привлечены ведущие сотрудники Публичной библиотеки: Э. Л. Радлов, В. И. Саитов, Ин. И. Яковкин, М. Л. Лозинский, Е. А. Лаппа-Старженецкая, В. В. Успенский, Л. И. Олавская, Д. В. Философов. Руководителем работы (уполномоченным Библиотеки по инвентаризации и распределению книг Никольского) был сначала Ин. И. Яковкин, затем с сентября 1919 г. — Д. В. Философов, ему же было поручено редактирование инвентарей Библиотеки. (По существу под этим подразумевалась каталогизация книжного собрания Никольского.) Философов 9 сентября 1919 г. подготовил и представил в Центральный Комитет государственных библиотек специальную докладную записку о предполагаемом плане организации работы.²⁶

К сожалению, как и другие частные библиотеки, поступившие в первое послереволюционное десятилетие в Публичную библиотеку, книжное собрание Никольского не было сохранено как особая коллекция. Книги, принадлежавшие Никольскому, разошлись по разным отделениям иностранного фонда, а книги на русском языке поступили в русский фонд. Исключение было сделано для собрания сочинений Катулла, Горация, Цицерона, из которых были изъяты лишь инкунабулы. Прием книг и их инвентаризация растянулись с 1919 по 1928 г. Тогда были сделаны последние записи в особый инвентарь, который был заведен в виде исключения специально для

библиотеки Никольского*. Это обстоятельство позволяет определить не только количество полученных книг, но и их «поименную опись». Инвентарная книга содержит около 18 тыс. записей, причем некоторые из них учитывают многотомные и серийные издания. Поэтому общее число полученных книг было значительно выше. По подсчетам сотрудников Государственного Книжного фонда, Публичная библиотека приобрела от 50 тыс. до 60 тыс. томов.²⁷ То обстоятельство, что в личном фонде Никольского, поступившем в ОР РПБ сохранились рукописные каталоги библиотеки отца и библиотеки самого Бориса Никольского (систематическая роспись, составленная его женой, Екатериной Сергеевной, в 1900-е гг.), позволяет путем сопоставления инвентарной книги и рукописных каталогов выявить полноту передачи библиотеки Никольского в Публичную библиотеку. (В печати встречаются сведения о том, что некоторая часть библиотеки попала в Пушкинский дом²⁸.) Наличие владельческих знаков на книгах, принадлежавших семье Никольских, позволяет в настоящее время проводить их розыск и изучение. В собственность Публичной библиотеки перешли все основные разделы библиотеки Никольского, о которых речь шла выше — история римского права и римской словесности, классическая филология, история древнего Рима, история России, всеобщая история, история русской словесности, русская поэзия, лирическая поэзия стран Европы, библиография отечественная и зарубежная, включая коллекции каталогов. Среди тематических гнезд выделялась «Пушкиниана» (издания произведений Пушкина в оригиналах и переводах и литература о Пушкине). Унаследовала Публичная библиотека и собранные Никольским первопечатные издания, а также издания XVI—XVIII вв. Никольский имел право сказать, что описание его библиотеки «само составило бы важный и долговечный вклад во всеобщую библиографию»²⁹.

В апреле 1917 г. Никольский пишет стихотворение «Инкунабулы». Он не только воспевает искусство первопечатников. Книга для него — тот спасительный мир, который должен ему помочь выстоять в дни, когда жизнь надо было начинать сызнова:

*Рай наивный заблужденья,
Не закройся от меня:
Дай спасенья! Дай забвенья
Правде нынешнего дня!*³⁰

* Остальные частные книжные собрания вносились в общую опись книжного имущества, полученного через Государственный Книжный фонд в первое послереволюционное десятилетие, и попытки восстановить их состав связаны с длительными поисками.

Если говорить о культуре поиска и собрания книг, об умении сочетать библиофильскую ценность приобретенных книг с их историко-культурной и научной значимостью, то Никольский показал пример, который достоин войти в историю русского библиофильства.

Примечания

- ¹ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энцикл. М., 1996. С. 397; *Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому, 1913—1918* / Публ. С. В. Шумихина // *Звенья*. М., 1992. Вып. 2. С. 341—377; Беззубов В. И., Исаков С. Г. Блок — участник студенческого сборника // *Блоковский сборник*. Тарту, 1972. С. 326—328.
- ² РГИА. Ф. 1006, оп. 1, ед. хр. 2. Л. 5.
- ³ Никольский Б. В. Н. Н. Страхов. СПб., 1896. С. 7.
- ⁴ Никольский Б. В. Его высочество князь Олег Константинович. СПб., 1914. С. 12.
- ⁵ Берков П. Н. Русские книголюбы. М.: Л., 1967. 316 с.
- ⁶ Существенную роль в этом играют работы по изучению книжных коллекций, хранящихся в фондах РНБ. См.: Кельнер В. Е. Личные книжные собрания в фондах ГПБ // *Коллекции. Книжки. Автографы: Сб. науч. тр.* Л., 1989. Вып. 1. С. 63—67.
- ⁷ Родосский А. С. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной Академии 1814—1869 гг. СПб., 1907. С. 309—310.
- ⁸ Самойлович А. В. Пушкинист Б. В. Никольский // *Парфенон*. СПб., 1922. Сб. 1. С. 43—45.
- ⁹ Там же. С. 54.
- ¹⁰ *Дневник Бориса Никольского* // *Крас. арх.* 1934. № 2. С. 58.
- ¹¹ *Ровесник «Серебряного века»: (Записки Б. А. Садовского)* / Публ. С. В. Шумихина // *Встречи с прошлым*. М., 1988. Вып. 6. С. 129.
- ¹² РГИА. Ф. 1006, оп. 1, ед. хр. 2. Л. 31.
- ¹³ Там же. Л. 29.
- ¹⁴ Там же. Л. 24—27.
- ¹⁵ Родосский А. С. *Указ соч.* С. 279.
- ¹⁶ Зеленецкий А. Ф. *Воспоминания о С.-Петербургской Духовной Академии* // *Рус. шк.* 1902. № 12. С. 25; См. также: Родосский А. С. *Указ соч.* С. 310.
- ¹⁷ ОР РНБ. Ф. 520, оп. 1, ед. хр. 126, 127, 129.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1006, оп. 1, ед. хр. 2. Л. 24.
- ¹⁹ ОР РНБ. Ф. 316, оп. 1, ед. хр. 166. Л. 1.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1006, оп. 1, ед. хр. 2. Л. 339.
- ²¹ *Монархист и Советы...* С. 371.

²² Там же. С. 359.

²³ Там же. С. 371.

²⁴ Б. В. Никольский: [Некролог] // *Вести. лит.* 1919. № 6. С. 12—13; Библиотека Б. В. Никольского // Там же. 1919. № 7. С. 11.

²⁵ Арх. РНБ. Ф. 8, 1919, ед. хр. 56. Л. 78 об.—80.

²⁶ Там же. Л. 106—107 об.

²⁷ Софонов Г. И. Государственный Книжный Фонд (1918—1938). Л., 1938. С. 33. (Машинопись. Хранится в Арх. РНБ. Ф. текстов. Т—838); Друганов И. А. Библиотеки ведомственные, общественные, частные и судьба их в 1918—1925 гг. // *Сов. библиогр.* 1934. № 3/4. С. 130; Куфаев М. Н. Материалы к истории Ленинградского государственного книжного фонда // Там же. 1935. № 4. С. 69.

²⁸ В Пушкинском Доме // *Вести. лит.* 1921. № 9. С. 17. Подпись: М. К.

²⁹ РГИА. Ф. 1006, оп. 1, ед. хр. 2. Л. 28 а.

³⁰ Никольский Б. В. *Стихотворения*. СПб., 1918. С. 1. (Машинопись. Хранится в русском фонде РНБ).